

Муса Мураталиев

Мужские игры

18+

Муса Мураталиев

Мужские игры

«Автор»

2019

Мураталиев М.

Мужские игры / М. Мураталиев — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-09016-3

В повести "Мужские игры" автор поднимает реальное событие до уровня мифологии. Четыре человека и под ними четыре коня бьются за тушу златорунного козла в традиционной групповой баталии – козлодрании. Усердия людей подкрепляются действиями их коней, напоминая бой кентавров, при этом достигается взаимопонимание животных и седоков тактильным способом. В тексте «Охота на волков» писатель метафорично представляет реальный мир недавнего тоталитарного общества, когда человек, оказавшийся в кафкианской ситуации, чувствовал себя винтиком в руках власти, теряя веру в себя.

ISBN 978-5-532-09016-3

© Мураталиев М., 2019

© Автор, 2019

Мужские игры

1

Первым к туше козла протянул руку Кожомжар.

Его короткопалая пятерня правой руки утонула в густой золотистой шерсти козла.

Крепко-накрепко схватив её завитки и кожу под ней, он остановился.

Удержать на весу такую тушу – без малого три пуда – было нелегко!

Тем не менее, рванул тушу к себе, подтянул к правому колену, прочно прижатому к боку коня.

Его конь, по кличке Сарала, протестующе мотнув головой, переступил с ноги на ногу и подал чуть влево.

Но в нужный миг Кожомжар, помогая себе носком кирзового сапога, приподнял тушу выше, а потом перебросил её на седло впереди себя.

Да, тот самый вес, на который игрок был нацелен со вчерашнего дня.

Он, в числе других участников игры в козлодрание, десятка джигитов, зашёл посмотреть на выхолощенного двухгодовалого козла.

Козёл щипал зелёную траву, равнодушный к окружившим его людям.

Шерсть у козла была необыкновенно красива, будто из чистого золота.

Рога длиннющие и очень острые.

И, видно, скотина очень тяжёлая.

Один джигит, подойдя, обхватил козла и попытался его приподнять.

За ним и Кожомжар попробовал сделать также: свои силы надо заранее опробовать, чтобы потом во время игры как бы не дать промашку.

Тут скотина вдруг как боднёт, что Кожомжар чуть было с ног не свалился!

Согнулся, но не упал, а опёрся о загородку.

Выпрямился и отошёл подальше от козла.

Сделал вид, что ничего особенного не произошло, хотя на левом бедре сильно заныло.

Дома обнаружилась ссадина в палец шириной с запёкшейся кровью.

Хорошо ещё, что рога скотины не прорвали груботканую брючину.

***

Подготовить тушу к игре – дело не простое.

Тут хороший резник нужен.

Нужно не только умело выпотрошить внутренности козла, спустить кровь, оскопить, копыта, плюсны да голову отсечь так, чтобы шкура нигде не была надорвана, ни одно из шестидесяти восьми сочленений костяка туши не потерялись.

Опытный глаз Кожомжара сходу определил перед началом игры: вчера всё было сделано, как надо.

Златорунная туша выглядела прочной и нерасчленимой, будто сама природа такой её и сотворила – безрогой и с усечёнными конечностями.

***

Опытный жеребец Сарала мигом пришёл в возбуждённое состояние, получив от седока каблуками сапог удары по рёбрам.

Сарала чуть пулей не рванул, но тут же резануло в углах губ: хозяин призвал бежать его не изо всех сил, как ему хотелось.

Он пошёл боком – от избытка желания рвануться вперёд, потом выровнялся и поскакал так, как хотелось Кожомжару.

Игрок из айла Акмуз был уверен в своём боевом коне и, расслабив поводья, предоставил ему свободу бега.

Направление взял к тому месту, заранее определённой судьёй, где лежала туша козла. Час назад игроки явились на поле козлодрания, восточной окраины необъятной долины Чештюбе.

Едет стремя в стремя с Кожомжаром плечистый джигит Сакий игрок из лесхоза Тарагай. Жребий определил им быть в сегодняшней игре напарниками.

Оба выходцы из айлов восточной окраины долины, в народе их называют «богоштунцами», потому как долину Чештюбе с этой стороны окаймляет горная гряда Богошту.

***

Их на перехвате ожидают двое игроков, выходцев из айлов западной окраины – «ташрабатцы», потому как на той стороне долины находится старинный памятник – ТашРабат.

Животновод Кожомжар припоминает одного из них, кажется, Керимом его зовут.

Он живёт в райцентре Аккала, шофёром работает в РТСе.

Люди поговаривают, что он игрок неплохой.

А вот лошадей их Кожомжар совсем не знает.

Одна – гривастая, мохноногая, а другая – кауряя.

Вот и всё, и больше ничего не может сказать о них.

Очень близко стоят друг к другу перехватчики.

Будто и лошади их понимают, что схватка предстоит нешуточная.

– Надо бы что-то узнать о лошадях, – пробормотал тут животновод из айла Акмуз.

Безработный Сакий кое-что знал о лошадях соперников.

О гривастом, по кличке Чабдарат у джигита из айла Пограничник,

И о коне по кличке Азотору, шофёра из райцентра.

Тут Сакий услышал голос напарника:

– Эй, ты, слышь! – сказал животновод. – Меня зовут Кожомжар, да... Ты подбадривай меня, понял?

Безработный промолчал, тогда Кожомжар закончил свою мысль:

– Без поддержки у меня всё из рук валится.

– Что они стали как вкопанные? – буркнул Сакий, делая вид, что не замечает волнения сотоварища.

Скотовод, тут круто повернувшись в седле, посмотрел на Сакия, увидев, его широкие плечи отвернулся.

Безработный тоже взглянул на своего напарника, а потом перевёл взгляд с лица на руки Кожомжара.

Пальцы животновода для такой игры показались ему излишне короткими.

– Как они кинутся, забираем тушу в середину, промеж нас, – напомнил безработному Кожомжар и добавил, – не прозевай!

Тот ответил ему обнадеживающе:

– Договорились...

Скотовод сказал только:

– Неуверенность в себе надо преодолеть!

***

Перехватчики, игроки ташрабатской стороны, потому не двигались, что место их было удобное: на основной оси поля – Главного Пути Игры.

Они ожидали приближения соперников в той точке, с которой легко обнаруживаются любые манёвры богоштунцев, любое их движение до конечного рубежа.

Главное – вступить в схватку, а там видно будет: у кого мускулы сильнее и мысли пошустрей тот овладеет тушей и помчится к рубежной линии под гул и крики зрителей, стеной стоящих на склонах Айгырджала.

– Посмотрим, что предпримут джигиты-богоштунцы? – говорит Алсейит из аила Пограничник.

Джигиты-ташрабатцы, хотя руки их покоятся на луках сёдел, сами в волнении в ожидании схватки.

Крепкие руки земледельца потемнели от солнца, ветра и пыли.

Под серповидными ногтями – следы грязи, а на безымянном пальце правой руки отсутствует ноготь.

Вместо него натекла роговица, словно кочерыжка.

Алсейит в тот миг поглядел на свою правую руку.

Она от запястья до локтя – будто ровно отёсанное топориче.

И жил не видать, а тут он, пальцами пошевелив, увидел натянутые как крепкие струны мышцы.

Сравнить, так длинные пальцы рук шофёра Керима выглядят, будто птичьи когти.

Вот как они обвили луку седла, так и успокоились.

Его конь Азотору грыз медные удила.

Мало этого он, вытянув правую ногу, раз-другой ударил копытом о землю, на что в ответ Чабдарат конь Алсейита шумно фыркнул.

Его остроконечные тонкие, будто листочки щавеля, ушные раковины наставлены туда же, куда смотрят глаза, на приближающихся всадников.

Чабдарат недвижно смотрит, понимая, что, должно быть, вот-вот разразится сеча.

Шофёр Керим, ощущая себя истым богатырём, величаво восседал на своём Азотору жеребце, то и дело, переводя взгляд по сторонам, как бы, между прочим, поглядывал и на напарника.

Алсейит из Пограничника, почувствовав, что тот на него смотрит, смутился, неловко улыбнулся, грубые чёрные усы его встопорчились.

– Что это ты остолбенел? – спросил Керим, а мысленно подумал:

«Бедняга... Глаза прячет, будто красная девица. На вид совсем не смелый, хоть отрастил усы».

Аил Пограничник и районный центр Аккала поддерживают между собой постоянные связи.

Шофёр Керим вспомнил, что Алсейит – джигит способный, биться умеет.

Так говорили люди. Не превозносили, но хвалили.

Сам он видит этого замкнутого земледельца первый раз.

Крепок, что и говорить.

Также завидно выглядит его гривастый, с пушистым хвостом.

Только седок его скованный какой-то, будто забитый, хотя конь его – замечательный!

Он не по-скотски, а по-человечьи пронизательно смотрит на приближающихся соперников, особенно на того, кто едет с тушей козла наперевес.

А джигит из Пограничника сидит себе в седле, не поднимая глаз.

Побагровел, похоже – волнуется.

– Приготовились! – скомандовал Керим. – Вон, те ближайšie заросли чия есть наш Рубикон, как только они перейдут его – рванём! Не робеть!

Алсейит с готовностью взял в левую руку поводья, а правой засунул камчу в голенище кирзового сапога, освободив руку для схватки.

Он видел: всё идёт по известным правилам игры.

Единственно, что было им замечено как отклонение от правил, это то, что богоштунцы сбавили скорость, оттягивая время прорыва.

А шофёр Керим подумал: опасаются нас.

Земледелец отметил: послушно, ровно идут их лошади.

Он знает, если послушны седокам и сообразительны кони, то и победа будет за ними. Говорили, что на козлодрании мало какой конь сравнится с Саралы.

Правда, и то говорили, что если Сарала разгорячится, то становится непослушным, седока куда угодно уведёт, хоть всю узду оборви.

О Карагере, на котором сидит второй богоштунец, слава идёт, как о лучшем коне, но только на короткие расстояния.

Так что с конями у противников всё в порядке.

Им остаётся только слаженно действовать, и победа у них в руках.

А вот о кауром жеребце шофёра из райцентра никто ничего не говорил.

2

Чиль, горная куропатка, вдруг встревожилась и сильно зачирикала.

Приостановилась на бегу. Пробежка и опять остановка.

Тем временем, из-под земли доносились приближающиеся к ней, необычно тяжёлые и гулкие удары.

Матушка-чиль зачирикала с тревогой в голосе: где тут её четырнадцать пёстрых птенчиков.

Нет, больше им, да и ей, матушке-чиль, от белого света ничего не надо.

И тут – опять! Этот странный пугающий, сотрясающий землю топот.

Головка птицы на тонкой длинной шее поднялась вровень с верхушками рыжих травинок, но поблизости никого не увидела.

Вон одинокий куст серого высохшего чия.

А дальше вправо и влево от него – травы.

Как всегда, травы их окружают.

Тут птица заметила среди частокола самых разных стеблей высокие колоски с манящими чёрными зёрнышками.

На кончике одного стебелька, чуть изогнув его, сидел толстый кузнечик.

Зёрнышки следовало показать птенцам, чтобы скорей их поклевали.

Кузнечика, который часто шевелил двумя крупными ногами, птица видела ясно.

А звуков его стрекотанья не слышала: их заглушал сильный топот теперь уже с другой стороны.

– Опасность, опасность!

В поле стало не так вольготно и безмятежно, как всегда!

– Пора, дети, отсидеться в глуши трав, пока минует опасность.

Короткий пёстрый хвост горной куропатки дёрнулся раз и ещё раз!

Пискнула кличем осторожности, предупреждения: где бы ни был каждый из четырнадцати пёстрых, под цвет разнотравья, птенцов – должен застыть на месте!

Всем стать недвижимыми и ждать другого клича матери – зова к себе, чтобы в мгновение ока подкатиться к ней и оказаться под её тёплыми крыльями в безопасности.

Для птенца различать этот зов было самым главным в жизни, главней даже страха.

Опасность должна определить птица-мать.

Надо только слушаться её голоса и не опаздывать, а то место под тёплыми крыльями окажется занятым, и неизвестно тогда, куда податься, кому и для чего нужен такой птенец.

Чиль, мать выводка, сама первой застыла, выжидая последствий приближающихся к ней с двух сторон грозных сотрясений!

Битвы «человека-коня» матушка-чиль никогда не видела.

Опасность встревожила её основательно, но разбирало и любопытство, что же это такое?

Она струной напряглась и всё медлила дать знак «Дети! Ко мне!»

А сама всё слушала и слушала тяжёлые сотрясения земли.

Четырнадцать маленьких живых комочков замерли, как стрелы на оттянутых тетивах. Чиль первой увидела двух невероятно больших животных: внизу конь, а наверху голова человека.

От них волнами шёл неслышанно жуткий грохот, отдаваясь в глубине земли.

– Опасность! Опасность!

Короткий хвост матушки-чиль дёргается нервозно раз, другой и нечаянно зацепляется за тёмно-зелёный стебель со зрелым колоском.

Колосок тут же отвлёк на себя внимание птицы: она знала, что шевелящаяся за спиной трава сулит опасность.

Нельзя столкнуться с нею, учит заложенный в ней опыт всех пернатых.

Горная куропатка проверила взглядом, кинутым за спину, что там случилось, хотя сама оставалась неподвижной, с по-прежнему устремлённым вперёд клювом.

Выпуклый овал глаз позволял одинаково хорошо видеть всё, что происходит впереди, сзади и по сторонам.

Тёмно-зелёный стебель не опасен, и матушка-чиль всецело переключилась на тех громадин «человек-конь», что появились в поле её зрения неожиданно-негаданно.

Тут вся четвёрка «человек-конь» сошлась, схлестнулась у одинокого чия.

Закудаhtала матушка-чиль, наконец, свой зов.

Ожидавшие столько времени этот клич, от рождения известный знак, птенцы, все четырнадцать струнок, вмиг очутились рядом с ней.

Пёстрые птенцы нашли своё привычное место под расставленными вширь крыльями, как можно теснее прижались к тёплому материнскому телу.

Матушка-чиль опустила на лапки, чтобы по-настоящему укрыть свой выводок.

Она так и не взяла в толк, насколько опасно для неё и для её птенцов вторжение этой четвёрки?

Смотреть на них теперь у матушки-чиль не было возможности.

Остаться на месте и укрывать собой детёнышей пока грохот вблизи.

А если «человек-конь» станет приближаться, тогда отправит птенцов бежать врассыпную, чтобы эти не смогли ухватить всех разом.

Если даже будут преследовать одного из них, остальные успеют попрятаться.

И приникла горная куропатка к земле, распушив все свои мелкие да средние перья, чтобы птенцам было уютнее, теплей и, казалось, безопасней.

***

Вторым протянул руку к златорунной туше эртээсовский шофёр Керим.

А туша козла лежала на луке седла Кожомжара у игрока с западной стороны.

Чуть ли голова с головой сошлись тут, понукаемые седоками кони, Азотору и Сарала.

Вздыбились, потом по воле седоков кони двинулись так, что плотно прижались на миг боками друг к другу.

Правая рука Керима потянулась за тушей, но длинные пальцы его схватили воздух, а не шерсть.

Кожомжар успел рывком перебросить тушу на противоположный бок своего коня.

По правилам игры нельзя хватать соперника за одежду, нельзя тянуть к себе за седло или за повод чужую лошадь.

Кожомжар видел: рука эртээсовского шофёра Керима оказалась длинней, да и выглядит внушительно, хотя пальцы тонкие.

Значит, надо это иметь на уме и подальше держать тушу от его длинной руки.

Второй ташрабатский игрок, Сакий, прикрыл тушу слева.

Тогда оба западники атаковали их с двух сторон.

Правая рука Керима слегка подрагивала на луке седла, казалось, от обиды, что промахнулся в первой попытке.

Пальцы его застыли, будто растопыренные когти сокола перед захватом добычи.

А без малого трёхпудовая козлиная туша была Кожомжара по ноге в такт бегу коня, готовая вырваться из рук в любой момент.

Его напарник, из лесничества Тарагай, скакал справа от своего напарника.

Он придерживал бег своего коня, опустил поводья на гриву своего Карагера, держа наготове руки, чтобы, если надо, помочь напарнику.

Сакий, чуть наклонив голову, неотрывно смотрел через левое плечо на тушу.

Широкие, твёрдые пальцы его сложились в крепкие кулаки. Ему хочется взять тушу в свои руки – спокойней было бы на сердце!

Говорят в народе: если у человека большой палец способен отгибаться сильно назад, то он – мастер своего дела.

У безработного Сакия оба больших пальца отгибались назад так далеко, что дотягивались до запястья.

Он любил детям показывать такой фокус. Даже односельчане часто называли его «Сакий, отогни палец».

Тут он, взглянув на своего напарника Кожомжара – испугался!

Его пятая точка в седле не крепко держится.

Ягодицы наклонились налево, в сторону, где распласталась туша драгоценная.

А вид-то вид! Прямо-таки налит скотовод гордостью.

Он, наверное, думает, вот-вот окажется на финише!

Уместно ли выказывать это после первой короткой схватки?

***

Третьим к златорунной туше протянул руку Сакий.

Склонился поближе к левому своему колену, потянулся, наклонился ещё ниже, левая рука прикоснулась к грубой шерсти козла.

Тут послышался пугающе громкий окрик:

– Кку-уда?! Куда лезешь? Убери руку!

Это крикнул его напарник.

Кожомжар был, конечно, прав, но азарт не давал безработному покоя.

– Твоё дело – недругов не подпускать к туше козла! – уточнил он. – Смотри, они уже наступают!

Пятерня Сакия само собой отдернулась, но он всё же проворчал:

– Сам-то ты! Ровно сиди в седле!

А соколов с востока... видели мы в гробу...

Джигит Кожомжар не ответил.

Показалась конечная точка бескрайнего поля!

Далеко, очень далеко.

Туда во что бы то ни стало надо доставить тушу при одобрительных возгласах тысяч людей, собравшихся на склонах Айгырджала.

Но как это быстро сделать, Кожомжар не знал, а думал только, как оторваться от погони восточных джигитов.

***

Конь Азотуру шофёра Керима и жеребец Чабдарат земледельца Алсейита чуяли, что надо догнать скачущих впереди коней.

Ускорил свой бег Азотуру, потому что понял, теперь ему медлить не следует.

– Клином пойдём, а как сойдёмся – так и полетят западники из своих сёдел! – бросил Керим.

– А если не получится? – с опаской возразил Алсейит.

Керим промолчал.

– А может, обгоним и тогда прижать можно их с двух сторон? – предложил тут Алсейит.

– Хор!.. Золото средь камней ищи, ум – у молодых! – похвалил напарника Керим. –

Выполним твою затею.

– Ну, так заходите...

– Это я так говорю. Пусть твоя веточка не переломится. Клином пойдём, клином!

Алсейит стушевался, но улыбнулся.

Керим – старший, хоть и похвалил младшего, на деле не считался с его мнением.

Он поднял правую руку, всё ещё с оттопыренными пальцами, вроде соколиной лапы, и махнул ею: ты, мол, обгоняй, заходи.

Алсейит увидел боковым зрением взмах старшего брата, всё понял и, согласившись, кивнул головой.

Тут же пришпорил каблуками кирзовых сапог своего Чабдарата по рёбрам, подгоняя его!

Конь пошёл в полную силу своего бега.

На скаку обошёл Алсейит соперников и поставил Чабдарата поперёк их пути.

Не успели наехать на перехватчика, оттеснить его в сторону, как тут настиг их Керим.

Конь мчался свободно, обе руки Керима были протянуты вперёд на уровне плеч, пальцы на обеих – растопырены, готовы тотчас схватить, выдернуть и не выпустить тушу!

Может быть, у него это такая привычка – скакать во время козлодрания с вытянутыми вперёд руками, вроде какой-нибудь птицы соколиной?

Больше всего он, похож на балобана – крупную со светло-пёстрым опереньем птицу.

Светло-голубая, в белую полоску рубашка Керима, с воротником нараспашку, с засученными до локтей рукавами, словно крылья над плечами.

Хлебопашцу так и показалось: это сокол настиг преследуемую жертву.

Настиг, ударил грудью коня!

Правда, не очень-то преуспел.

Конь, на котором сидел Сакий подставил коню Керима свой крепкий, будто бронированный круп, и тот в последний миг, как подсказало ему нутро, уклонился от столкновения, взяв чуть левее.

Теперь конь стоял головой вперёд – навстречу движущимся на него лошадям с седоками.

Вот так он никогда не стоял во время игры, чтобы кони бежали прямо на него!

Азотору почувствовал осязаемый толчок в ребра, ещё и ещё!

Это натиск, надо остановить! Стоять на месте!

Значит, встретим натиск стоя!

Миг спустя Алсейит оказался между двумя западниками.

Резкая боль в левом колене: ударился о плечевую кость Карагера.

Грудь у коня и впрямь железная!

Но Чабдарат устоял.

А конь Сарала под Кожомжаром, мотнув головой, склонился налево.

Прямое противостояние не получилось.

Лошади закружились: Чабдарат, грудью встретив натиск лошадей недругов, затоптался на месте, а потом тоже проделал, вместе с другими, полный круг.

3

Кожомжар, как только увидел, что начинается манёвр соперников, приподнял тушу, подтянул к себе на седло и прилёг на неё всем туловищем.

Он короткими пальцами держался за холку своего коня.

Как назло, волосы были короткими – еле мог ухватиться одной пятернёй.

Правой же рукой надо было придерживать тушу.

Когда всадники столкнулись, закружились, на миг ощутил боль в правом колене.

Тут Кожомжар увидел бледное лицо напарника:

– Что стоишь?! – зашипел сквозь стиснутые зубы. – Помогай!

Сакий обиделся, конечно, тем не менее, окрик пришёлся кстати.

Всё же лучше, чем кружиться и не знать, что делать.

Поднял плеть и со всего размаха огрел коня своего напарника – чтобы тот рванулся в сторону, но угодил по морде Чабдарату, а тот, встав на задние ноги, потом навалился на круп коня Кожомжара.

Конь игрока из аила Пограничник так и встал на дыбы.

Тут эртээсовский шофёр Керим во всю глотку закричал на своего напарника:

– Бей меня, скотина! Правила не знаешь, что ли?! Чужого коня, зачем бьёшь?

Джигит Сакий вновь поднял плеть, и на сей раз, она попала на упитанный гладкий круп Саралы, и там, будто дымок от неё слегка взвился.

Кожомжар не заметил, как ретивый его Сарала, пританцовывая, ушёл из круга направо.

Ему бы покинуть тут же эту кучу-малу, но он упустил мгновение, и опять все кони закружились на одном месте.

В этой круговерти сразу три руки устремились в златорунную шерсть туши.

Зарылись тотчас же в неё, как можно глубже, почти до самого запястья, обе пятерни Керима и левая пятерня Сакия, напарника Кожомжара вцепились.

Вожделенная для каждого участника сегодняшней битвы златорунная туша все ещё оставалась на седле яковода.

Сейчас ясно было всем, что каждый из джигитов мог рассчитывать перетащить тушу к себе на седло!

Или всем растащить её по кускам. Тоже могло быть.

Всё зависело теперь от силы сошедшихся в ближней схватке удалых игроков.

***

Жители долины Чештюбе не впервые устраивают – битву храбрых джигитов за свою честь и доблесть.

Любители игры козлодрания проводят её после уборки урожая.

В тот день стекаются жители с юга, севера, запада и востока долины Чештюбе.

Игра проходит у предгорья Айгырджал – Лошадиной Гривы.

Со склона этой малой горки ровное поле игры раскрывается как на ладони.

По обе стороны от Главного Пути Игры на склонах скапливаются зрители.

Это расстояние, которое можно преодолеть на хорошем скакуне за время, необходимое чтобы вскипела вода в чайнике.

Игра проходит на виду. Первый свидетель – Судья.

В конце игры победитель перед собравшимися зрителями промчится с тушей козла до финишного казана.

***

Игра началась выездом на поле главного судьи Кадыра на своём иноходце.

Он впереди себя на седле держал златорунную тушу козла и проехал до заранее намеченного места.

Там он, свалив тушу козла, повернул голову иноходца назад.

Потом Кадыр скорой иноходью пустил коня к начальному пункту.

Судья знает, что конь его не блещет славой, но с известными в округе иноходцами поостязаться может.

Да и какой житель гор и степей – не мечтает оседлать иноходца?

Промчатся на коне иноходью – дело настоящих удалцов-джигитов.

У точки перехвата судью встретили четверо джигитов, стоящих парами друг против друга.

Она ещё не стала Главным Путём Игры.

Пока она только переездной путь для судьи.

Боевые кони нетерпеливо фыркали, грызли удила.

Джигиты приосанились, взглядом провожая судью, хотя сейчас уже были готовы к схватке.

Всё это видел судья Кадыр, проезжая мимо них.

Народом избранный судья не первый раз проводит мужскую игру.

Было время, он сам пробовал в ней силу и ловкость рук, всё видел, всё прочувствовал сам.

Сейчас же было важно, чтобы его конь не сбился с хода.

А конь нет-нет да перестаёт выдерживать бег иноходью, двумя ногами одной стороны – правыми, левыми, правыми, левыми – и переходит на рысь.

Это не к чести седока, тем более, когда иноходец скачет перед людьми!

Бег настоящего иноходца – это песня!

Это – будто птица планирует по волне ветра!

И тут судья, бывший игрок, победитель джигитских игр, занятый заботой о красивом беге своего иноходца, проскочил отметину перехвата.

Судья Кадыр спиной почувствовал недоумение участников игры, когда его конь пересёк отметину.

Потом увидел, что болельщики, неотрывно следящие за бегом коня судьи, недовольны.

Надо бы тотчас отпустить джигитов в игру, да слишком уж заманчиво покрасоваться перед народом, воспользовавшись редкостным случаем.

Ничего, судейские права у него от народа. Простят!

Сейчас ещё немного, и подаст сигнал, хотя едет уже спиной к игрокам.

Тут в толпе зрителей поднялся шум-гам!

Болельщики, как ташрабатские, так и богоштунские, в один голос вместе закричали:

– Ку-у-у!.. До-гони-и! Судью-ю-ю!

Прокатилось по склону громкое эхо гор, и вдобавок грубый мужской хохот!

Слышно было также разного рода хихиканье!

Зрители стали посмеиваться над судьёй!

Тогда пятидесятилетний Кадыр, на ходу сняв с головы тебетей, отороченный златорунной мерлушковой опушкой, высоко поднял его над головой и развернул иноходца поперёк дороги:

– Карма-а! Хвата-а-ай! – прокричал он.

То был призыв к началу игры, что ожидалось всеми.

Так Главный Путь Игры открылся.

И, стеной, стоящие на склонах зрители с радостью, в один мощный возглас, будто единый выдох, повторили возглас судьи: «Карма-а-а!»

А главный человек на поле – Кадыр судья сегодняшней игры, даже не оглянулся, чтобы оценить по правилам ли снялись с места джигиты-богоштунцы к загодя отмеченному месту за тушей козла.

Почувствовал тут он, как у него ресницы увлажнились.

Оглянуться всё ещё не хотел, хотя за ходом игры следить ему.

У бывшего игрока, победителя многих игр, будто на затылке глаза.

Иноходец под ним на этот раз ни разу не сбился с бега, что верно – то верно, тем не менее, зрители теперь не обращали внимания на судью и всецело были поглощены ходом игры.

Почти у финиша Главного Пути Игры судья Кадыр придержал коня: следить за ходом игры всё-таки было нужно.

Важно, чтоб игра проходила честно.
Всех четырёх игроков он постоянно видел, но туша козла у кого – не различал.
Козёл неплох, сам отбирал на базаре.
Нарочно остановился на трёхпудовом весе.
Пусть-ка попотеют джигиты, они весь год жаждали этого дня.

4

У одинокого чия продолжалась круговерть борьбы четырёх джигитов за тушу козла.
Керим обеими руками впился в нагретую солнцем густую златорунную шерсть и почувствовал, будто пальцы его угодили в горячую золу.

– О, Боже! О, Боже! – кричал во всю глотку Керим от удовольствия. – У-у-у-у!..

Алсейит, задниками каблуков кирзовых сапог беспрестанно понукая своего коня, всё пытался войти в гущу схватки.

Глянув на своего напарника Керима, он тут же отвернулся.

Не то, что он, даже кто любой испугался бы Керима.

Весь взъерошенный, с разинутым ртом, выпученными глазами, тот преобразился в настоящего волка.

– У-у-у! – от боевого задора Керим взвыл по-волчьи.

Тут хлебопашец посуровел.

Обе руки Керима так крепко вцепились в тушу, лежащую поперёк седла недруга, что до запястья утонули в шерсти.

Якрврд всем туловищем навалился на тушу так умело, что, казалось, стал её неотъемлемой частью.

Его Алсейит мысленно нарёк именем «человек-туша».

Обняв поверх козла гриву своего коня, будто показывал тем самым: ему ничего на свете больше не нужно.

«Нельзя так! – подумал Алсейит. – Это уже не игра получается, а чёрт знает что».

Он успокоился, когда перевёл взгляд с лица Керима и Кожомжара на их коней.

Животные оставались такими, какими их видел перед началом козлодрания.

Чуть азартнее стали, а так – такие же.

Тут хлебопашец придержал бег своего Чабдарата.

***

Шофёр Керим правой рукой нащупал под кожей козла третье ребро, а левой – переднюю плечевую кость.

Грубая шерсть и мышечная мякоть туши козла, будто приросли к пальцам.

Тут главное, поймать такой миг, когда часть туши уже, твоя и, чтобы обладать ею целиком, надо дёрнуть беспощадно.

Не мешкая, Керим потянул тушу в свою сторону, да так, что дрогнули, отшатнувшись, все лошади, и подались влево.

Вот этот миг, пока не хлынула обратная волна, надо дёрнуть, ещё дёрнуть уверенно.

Иного пути у него нет! Так надо! Надо!

Глаза боятся, руки делают!

Смелей, нечего труситься!..

Все кони пошли вокруг одинокого чия.

Чья-то пятерня легла на правое предплечье Кожомжара, потом там же начала прижимать так сильно, что стало больно!

Он посмотрел налево – чья это рука?

Встретился взглядом с Алсейитом-недругом.

В Кожомжаре вдруг выиграл азарт: в глазах проснулась лютая ненависть и обида от своей незащищённости.

Растерялся обладатель златорунной туши и с нескрываемым отчаянием в глазах умолял оставить ему козла.

Больно, слишком жёстко сжал.

– У-у-у! – завыл Кожомжар и стал подбадривать себя – Я тебе сейчас покажу!

Рука Алсейита, до боли прижавшая предплечье скотовода, давила всё сильнее.

«Отпустить тушу, что ли? – подумал Кожомжар. – Боже мой, боже!!!»

Правила мужской игры защищают от приёмов, которые могут вызвать сильную боль.

Но на деле правила соблюдались: соперник не выкручивал противнику руки.

Вдруг Кожомжар увидел другую руку.

Белокожая, полная, длинная – это была рука его напарника Сакия!

Она крест-накрест легла на руку соперника.

Шофёр Керим тоже увидел две руки на предплечье обладателя златорунной туши.

Но не разобрался, чьи они?

– Ты что делаешь?! Хватаешь что попало?! – зарычал Керим, не видя, чья ещё рука внизу. – Или правил для тебя не существует?

– Где надо, там и хватаем, – спокойно ответил Сакий.

Кожомжар почувствовал, как вдруг боль отпустила его предплечье.

Тут же шофёр Керим рванул тушу на себя, а потом упёрся левой ногой в бок коня Саралы. Опять дёрнул.

И она наполовину вылезла из-под живота Кожомжара.

В третий раз потянул тушу шофёр Керим не сильно.

И тут скотовод выпустил тушу и по инерции отвалился в противоположную сторону.

Мог бы, и вывалиться из седла, да белая рука Сакия на миг перехватила падающего за тушей напарника.

Правда, удержал его Сакий не рукой, а всем своим телом.

Вожделенная златорунная туша теперь была в руках у ташрабатцев.

Но ещё не всецело. Вырвать её – не значило удержать.

Она тянула эртээсовского шофёра Керима вниз, к земле, будто теперь уже сама златорунная туша хотела перебороть джигита.

Тянула, перетягивала вместе с седлом на левый бок коня.

«Что делать? Что делать? – растерялся Керим. – Ой, что за туша?»

Тогда он, упёрся подошвой в донце медного стремени, а потом привстал, чтобы удержаться в седле.

«Не подведи, Азотору!» – мысленно обратился к своему коню Керим.

Подумал о стременных путлищах.

Ещё вчера днём он обновил оба, укрепил их толстой бычьей сыромятной кожей.

Златорунная туша упорно тащила Керима вниз!

Шофёр Керим накренился влево.

Ноша оказалась тяжёлой и непослушной!

– Не имеющая души туша хочет вытянуть меня из седла своим трёхпудовым весом, – говорил Керим. – Хочет заставить меня коснуться земли, чтобы я почувствовал, что там все равны – и мёртвые и живые.

Керим из районного центра не чувствовал своих рук.

Хотя ладони по-прежнему вжимались в плечевую кость козлиной туши и правое третье ребро.

Керим знал, что туша постепенно перетянет его, если он не предпримет чего-то решительного и не ожидаемого соперниками.

Тугодум Керим спешно лёг животом на луку седла, как до него делал и его противник. Ощутил твёрдость деревянного седла.

Это была неудобная, но опора!

А тут конь Азотору, зажатый другими лошадьми, переступил с правой на левую ногу и пошёл в обратном направлении.

Вместе с ним, на той же скорости пошли по кругу все лошади участников битвы.

5

Все четырнадцать цыплят горной куропатки ощущали тревогу.

Хотя они были под крыльями матери, гудение земли под лапками нагоняло страх, заявляя: опасность.

Опасность, совсем близко от них!

И выводок, и взрослая птица терпеливо ждали, когда перестанет или уйдёт этот грохот.

Матушка-чиль видела, как над высокими травами то возникали, то исчезали и тела каких-то громадных, ранее не виданных ею животных.

Они издавали грохот и сотрясение земли, побуждая мгновенно бежать от опасности.

Неведомые животные – вот что было самым страшным, и поэтому куропатка упорно огораживала выводок своими крыльями.

Земледелец Алсейит, до сих пор удержавший своего коня Чабдарата вне общего состязания сошедшихся в яростной схватке всадников, во всех подробностях видел, как быстро перешла туша козла из рук скотовода Кожомжара к эртээсовскому шофёру Кериму.

Он – «человек-волк», так мысленно называл своего воинственного напарника Алсейит.

Ему было не понять, почему так нелепо уступил «человек-туша» «человеку-волку».

Или свирепости Керима испугался?

Одугловатое лицо Кожомжара посерело, глаза следили за тем, как укрывает своим телом распластанную на луке своего седла златорунную тушу шофёр Керим.

– Карангюн-карангюн! О несчастный день! – как-то по-женски визгливо выкрикнул, яковод. – Уплыла!.. Останови её, останови!

Так он просил своего напарника.

А лицо Сакия, до того бледное, вдруг вспыхнуло от предчувствия поражения, став багрово-красным.

Странно было видеть руки Кожомжара.

Как только из-под живота выскользнула туша, он отпрянул назад, и не будь рядом плечистого Сакия, завалился бы на спину, а там непременно и грохнулся с коня.

Как только упустил тушу Кожомжар, всплеснув руками, обнажил свои короткие пальцы.

– Не такими коротышками воевать за шкуру златорунного козла! – усмехнулся Алсейит. – Вот и держи лапы на груди, так тебе безопаснее!

Правда, белокожие твёрдые руки рабочего Сакия всегда были готовы помочь своему напарнику.

***

Новый обладатель златорунной туши, Керим, взял курс на конечную точку Главного Пути Игры.

Джигит подтянул тушу на холку своего коня.

Пригнулся в седле, занял положение поудобнее.

Надо было трёхпудовую добычу подсунуть под ремень стременных путлиц!

Вот уж тогда мало кому удастся вырвать тушу!

Но ноша оказалась неподвластной рукам шофёру.

А тут его опять настигли разгорячённые соперники западники.

«Человек-волк» заколотил задниками сапог своего коня, обращаясь вслух к нему:

– Вытащи, друг, Азотору, вытащи!

Рук своих Керим по-прежнему не чувствовал.

Пальцы, будто намертво вошли в тушу.

Возникло омерзительное ощущение, что там, в глубине, они воткнулись в какие-то глубокие раны, в настоящие дыры.

Игрок глянул на свои руки: они были бледны и слегка дрожали.

Пошевелил правым большим пальцем: липко! На самом деле липко.

Неужели пальцы его порвали шкуру и добрались, до мякоти?

Азотору, туго поджав уши, неожиданно для всех встал на дыбы!

Беспорядочно замахал в воздухе передними копытцами, она уходила в сторону.

Одно копыто стукнуло по крупу коню Алсейита, другое ударило о край седла.

– Ну-ну, выноси друга, давай! – просил Керим своего коня. – Ты – мои крылья!

Рванулся Азотору вперёд, намереваясь с места взять высокую скорость, унести хозяина отсюда, но оторваться от преследователей, не смог.

***

Как отбирали участников, по каким критериям – это никого не волновало.

Важна была сама битва настоящих мужчин, которую ждут в одно и то же время каждый год.

Может, по желанию самих участников их привлекли в этом году или по решению судьи, который выделил эту четвёрку за их хорошие бойцовские качества.

Не стоит серьёзным людям вдаваться в такие подробности, тут любой может принять участие.

Эту игру чештюбинцы знают с детства и потом любят до глубокой старости.

Игра открыта, равна для каждого, только не каждому по плечу.

Вот почему чештюбинцы в массе своей становятся болельщиками, а не участниками.

***

Судье сегодняшней баталии об игроках известно немного больше.

Кадыр объездил все айлы западной и восточной стороны долины, и там люди предлагали джигитов для участия в этой игре.

Кожомжара председатель хозяйства Акмуз назвал «снежным человеком».

– У нас он ни под каким соусом не желает жить среди людей, – сказал председатель. – Ему подавай девственную природу.

Подножья вечных снегов по душе.

Пасти морозостойких яков.

Пестовать яков – занятие не из лёгких, а Кожомжару хоть бы хны!

Так, что он у нас – снежный человек!

И судья Кадыр зауважал яковода Кожомжара и сходу внёс его в список бойцов на козлодрание текущего года.

Игрок Керим возит, оказывается, начальника районного центра РТС.

Судья Кадыр его долго уговаривал начальника.

Главный повод начальника районного центра:

– Я не умею водить машину, потому без Керима – как без ног и без рук!

Судья Кадыр вышел на безработного Сакия и земледельца Алсейита, из-за их коней.

Среди болельщиков ходили легенды о двух конях: о Карагере и Чабдарате.

Этих коней люди называли «жаныбар», то есть имеющие душу, хвалили за выдающиеся способности в козлодрании.

Пришлось судье Кадыру искать хозяев знаменитых коней.

Оказалось, один джигит живёт в айле Пограничник, зовут его Алсейит, по профессии пахарь и хлебопашец.

Другой – безработный!

И живёт он, оказывается, в лесхозе Тарагай.

При встрече с Алсейитом судья был приятно удивлён, что он дальше своего села не выезжал, хотя игры в козлодрание среди близлежащих айлов не пропускает, да и сам участвует постоянно.

Скромный такой джигит.

С охотой принял предложение судьи, а потом попросил, чтобы он подсказал, как проехать до места, где пройдёт игра.

Судье Кадыру пришлось объяснять Алсейиту, по какой дороге следует ехать и сколько перевалов одолеть, чтобы доехать до Айгырджала.

Директор лесхоза Тарагай вызвал к себе в кабинет безработного Сакия.

Когда он пришёл, разговаривал с ним на повышенных тонах при судье:

– А сколько времени уже не выходишь на работу?

– Полтора... – ответил Сакий.

– Что полтора? Месяц, год или неделю? – переспросил директор.

Сакий не стал отвечать, тогда директор объяснил судье:

– Он специалист по пилораме!

Его лесхоз отправил обучаться в город.

Окончил ПТУ, по окончании наладил работу единственной пилорамы, а потом, раз, и машина поломалась.

Директор тут обратился к Сакию:

– Верно, я говорю?

– Верно! – ответил тот.

– И вот наш богатырь, восемнадцать месяцев, говоря языком бездельника, полутора года он не у дел, и неизвестно, когда выйдет на работу.

– А что мне делать, если машина сломалась? – говорит Сакий. – Вручную рубить лес топором, я не пойду. Не моя это работа.

– Вот тебе работа! Мы тебя посылаем в соревновании, – сказал директор, а потом добавил. – Без туши козла не показывайся в Тарагае.

Выиграешь приз, починишь мне пилораму!

6

Три всадника мчались вдогонку за Керимом.

Кони вошли в азарт, подгоняемые ударами задников сапог под рёбра.

Скачущие лошади неслись по бездорожью.

Каждый конь хочет найти своё место в общей толкотне, хочет бежать свободно, а потому – скачет всё быстрее и быстрее.

На один шаг отставал Чабдарат, конь земледельца Алсейита.

Своей большой головой он вклинился между развевающимися по ветру хвостами двух впереди бегущих лошадей.

Жёсткие волосы бегущих впереди коней хлестали то справа, то слева, то по шее, по морде, по кончикам ушей, застилая глаза, не оставляя видимости впереди.

Вздёргивая голову, Чабдарат на ходу бросал взгляд то вперёд, то вниз, чтоб хоть что-то в этой толчее загораживающих землю конских круп увидать.

Бок о бок скачут кони богоштунцев – Карагер и Сарала, бегут, касаясь друг друга уздечками.

Жёсткие концы хвоста коня то и дело бьют по глазам, заставляя часто моргать.

И всё же ни для Карагера, ни для Саралы хлещущий хвост впереди скачущего коня – не помеха. Они выполняют волю хозяина.

Всё равно – за дорогой следят, хоть и моргают, но мчатся туда же, куда и Азотору.
Работа коня – бежать, куда велит хозяин.

Превыше всего – делать, что он велит.

Иначе коней ждёт неотвратимое наказание.

Человек требует постоянного послушания себе.

Сарала видит боковым зрением растянутое пространство.

Сбоку и вдали – табуны маленьких лошадок, и на них сидят маленькие человечки.

А дальше выступают высокие горы.

Это сторона, откуда они выехали.

Если пробежишь расстояние, отделяющее их сейчас от табунов, хозяин даст знак отдохнуть.

Но бегут они сейчас почему-то не туда, а всё дальше от тех мест, наискосок по травостоя.

А может, направиться туда, где неподвижно застыли табуны маленьких лошадей.

Конь Сарала сделал шаг в ту сторону, потом другой.

И неожиданный удар ожёг ляжку!

Боль заставила выправить бег, собраться и снова бежать изо всех сил.

Сделал Сарала малую дугу в стремительном беге, но после третьего обжигающего удара плетью не только вернулся к прежнему направлению бега, но и неожиданно оказался впереди Карагера и уже тем более Чабдарата.

Да и коня Керима. Вот он, рядом!

Но в углах рта больно дала себя знать уздечка.

Нет, нельзя убежать вперёд, надо держаться рядом с остальными.

И другие кони увидели, как человек вернул выскочку к общему бегу.

Нет, человек не терпит своеволия.

Сейчас надо бежать в куче со всеми.

Перепуганный хозяином конь Сарала быстро поравнял свой бег с обладателем златорунной туши Керимом.

Тут короткопалые руки Кожомжара вновь устремились к туше.

Пальцы, пухлые, словно у младенца, растопырились.

Доверчиво, с лёгкой дрожью они дотронулись до туши.

Схватили её за лучевую кость и пальцы замерли.

Казалось, Кожомжару хватит и лучевой кости от туши.

Вдруг последовало внезапное столкновение!

Оказывается, Алсейит подставил мощный круп своего Чабдарата поперёк движения.

Остановка была такая резкая, что Сарала, споткнувшись, опять выпрямился.

Приостановил свой бег и Азотору.

Туша козла, тем не менее, оставалась на седле шофёра.

Яковод не выпускал из рук свою долю – лучевую кость.

Лошади, под натиском нападающего Кожомжара, опять пошли по кругу – то в одном направлении, то в другом.

Тут подоспели ещё два участника баталии, подступили с протянутыми руками и горящими от нетерпения глазами.

***

Обладателю туши необходимо было, прежде всего, погасить натиск ближнего соперника. Освободиться и продолжить стремительное движение к конечному рубежу.

Тут «человек-волк», Керим, лёг грудью на ношу и стал бить коня каблуками быстро и яростно.

Азотору, конь «человека-волка», пританцовывая, пошёл в сторону, нашёл просвет меж громоздкими телами других лошадей, в мгновение ока рванулся туда, но тут же просвет исчез.

Его закрыл своей грудью Карагер, конь безработного Сакия.
С прижатыми ушами, Вороной выглядел очень свирепым.
В ответ на бросок Азотору не только закрыл дорогу Карагеру, но и он ухитрился укусить его выше колена передней правой ноги.

Жгучая боль заставила Азотору зычно заржать. И он отступил назад.
Хозяину поведение Азотору не понравилось.
Тут же это болезненно отозвалось на его рёбрах.
Надо вырваться! Не надо отвлекаться.
Хозяин этого желает. Но тут очень тесно!
Обступают со всех сторон! Азотору стал брыкаться.
Правым задним копытом проехался по груди Чабдарата.
А тот всё равно прёт, не собирается сторониться!
Вдруг хозяина так резко дёрнули люди, что Азотору еле устоял на ногах.
А тут такая же сила рванула с другого бока!
Тянули теперь в разные стороны, получилось, что зажали: на правые рёбра давил один конь, на левые – другой.

Спереди, тоже боком, встал поперёк пути третий конь.
А назад пятиться Азотору ещё не приходилось.
Люди что-то такое сделали сзади, что затруднило движение ног.

***

Игроку Кожомжару предстояло исправить упущенное положение.
Не в первый раз участвует он в баталии джигитов долины.
И раньше, бывало, он находил выход из подобных сложных ситуаций, умело забирал тушу козла, оставляя соперников с носом.

На этот раз, кажется, соперники попались половчей.
Не то, что соперники, а напарник из аила Пограничник не желает признать силу бывшего игрока из Акмуза.

И туша на этот раз оказалась непомерно громоздкой да тяжёлой.
А как ты её хоть мало-мальски облегчишь?
Вес, одобренный заранее игроками и судьёй, теперь не уменьшить.
Бывало, в первой же схватке вырывал яковод тушу, отбивался от соперников и без помощи напарника пересекал линию финиша.

Становился победителем, что называется на пять!
А такого, как сегодня, с ним раньше не случалось.
Правда, играет он одну из последних, если не самую последнюю.
В будущем вряд ли уместно просить судью, кто бы он ни был, чтобы дал шанс участвовать. В седле теперь одни молодые, удалые, но безжалостные игроки.

В мужской игре все равны, но у чештюбинцев действует своеобразный закон: всех желающих пустить на поле.

А слаженней и справедливей игра будет тогда, когда перед зрителями бьются одногодки, равные по силам.

Какой толк выйти состязаться с молодыми, да к тому же, не дай бог, проиграешь.

7

В жизни яковода немало было захватывающих дух битв верхом на коне.
Одну из них Кожомжар никак не может позабыть.
Весна выдалась обилием дождей.
Всюду стояла вода, земля, казалось, пропиталась тёплой водой.
Только горы оставались укутанными нетронутым белым снегом.

Старшеклассник, оседлав коня, отправился в лес за дровами.

Он помнил, что в ущелье, называемом медвежьим, в распутицу можно было набрать сухих рябиновых или жимолости веток.

Хворосту этого, если его навьючить с двух боков коня, хватало для топки очага на неделю.

Старшеклассник легко выполнил поручение домашних.

Возвращаясь на склоне горы, встретил своего одноклассника, враждовавшего с ним давно.

Причина ссоры была девчонка, за которой ухаживали оба.

Она знала об их распрях, но не собиралась примирять соперников.

На школьном дворе они не решались пойти друг на друга с кулаками.

Из ущелья он ехал обратно с навьюченным на коня сухим хворостом.

Тропинка в горах – для одной лошади.

Встретились недруги на полпути домой.

Лицом к лицу встретились, будто для рукопожатия: один идёт за дровами, другой – уже с дровами.

Поздоровались, один подал руку, другой взял.

Однако оба были разозлены до такой степени, что челюсти их – крепко-накрепко сжаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.